

Но не успел Ань Чанцин сделать и шага, как Белый пирожок загородил ему дорогу. Ухмыльнувшись еще более ехидно, он произнес:

— Молодой господин, не спешите. Чжань всего лишь хочет с вами подружиться — уж больно вы мне приглянулись. Моя лавка как раз на этой улице, пойдемте со мной. Какое платье ни захотите — всё получите!

Его речи становились все более развязными, он даже попытался схватить Ань Чанцина за руку. Ань Чанцин уже собрался дать отпор, но стоявший позади Чжоу Хэлань опередил его: его кулак с сокрушительной силой врезался прямо в блинчатое лицо Белого пирожка.

Белый пирожок истошно взвыл и, зажав ушибленный глаз, заорал:

— Да как ты смеешь поднимать руку на молодого господина Чжаня! Вы что, вымерли там все?! Живо сюда, связать их!

С улицы тут же выскочили шестеро или семеро дюжих слуг — не иначе где-то поблизости прохладжались. Они мгновенно обступили Ань Чанцина и его спутников.

Прохожие, почуяв назревающее зрелище, торопливо сгрудились у входа, с любопытством заглядывая внутрь.

Управляющий, опасаясь неприятностей, сомневаясь, попытался его урезонить:

— Молодой господин Чжань, кругом народ ходит... Может, лучше не наживать лишних хлопот?

Но молодой господин Чжань, стеная и дергая рукой у подбитого глаза, рявкнул:

— Замять?! Тот, кто смеет поднимать руку на меня, еще не родился на свет!

— Схватите того, что покрасивее! — засучил он рукава с лютой злобой. — Я сам с ним расправлюсь!

Слуги бросились к Ань Чанцину. Но разве мог тот смиренно ждать развязки? Он уже собирался назвать свое имя, как вдруг один из нападавших оглушительно завыл и, схватившись за руку, повалился на пол.

В ту же секунду появился вовремя подоспевший Сяо Чжигэ. Заслонив Ань Чанцина спиной, он окинул сборище ледяным взглядом:

— Кто дерзнул тронуть мою ванфэй?

Он и без того внушал ужас своей постоянной бесстрастностью, а уж в гневе от него веяло чистой, смертоносной угрозой. В его свирепом взоре будто таились обнаженные клинки, срезающие плоть с каждого, на кого попадал этот взгляд.

Белый пирожок побледнел до цвета золы и с подкосившимися ногами рухнул на колени:

— К-к-князь... Э-это всё недоразумение...

Сяо Чжигэ кровожадно усмехнулся и подкованным железом тяжелым сапогом наступил ему на ладонь, медленно вдавливая ее в пол:

— А если я невзначай убью тебя... это тоже будет недоразумением?

Белый пирожок онемел от ужаса. Его затрясло мелкой дрожью, и он не мог вымолвить ни слова в свое оправдание. Управляющий и лавочники застыли в оцепенении, ничком повалившись на землю и не смея даже просить о пощаде.

Снаружи кто-то не выдержал и истошно закричал:

— Князь сейчас кого-то убьет!..

Толпа зевак в то же мгновение бросилась врассыпную. Впрочем, некоторые, не желая упускать такое зрелище, отбежали на безопасное расстояние и, вытянув шеи, продолжали заглядывать в лавку.

Сяо Чжигэ не обратил на них ни малейшего внимания. С холодным и жестоким лицом он смотрел на молодого господина Чжана, превратившегося в грудку дрожащей плоти.

Вся мастерская и пространство перед ней были усыпаны стоящими на коленях людьми, но воцарилась такая тишина, что было слышно, как падает иголка.

Чжоу Хэлань прислушался к шуму снаружи, затем перевел взгляд на Сяо Чжигэ, подобного сошедшему с небес богу войны, и, хоть и хотел что-то сказать, испугался его грозного вида и предпочёл промолчать.

Лишь Ань Чанцин ничуть не испугался. Он огляделся по сторонам, посмотрел на глазающий издали народ, затем снова перевел взор на изливающего свирепость Сяо Чжигэ. Поджав губы, он потянул князя за рукав.

Сяо Чжигэ молча повернул к нему голову.

Но Ань Чанцин и не думал его отговаривать. Окинув взглядом помещение, он остановился взором на пузатом напольном вазоне, подошел, подхватил его обеими руками и совершенно серьезно сказал Сяо Чжигэ:

— Дай я.

Сяо Чжигэ ничего не ответил. На мгновение нахмурившись, он все же отступил в сторону.

Не успел Белый пирожок возрадоваться избавлению, как увидел над своей головой огромный фарфоровый сосуд. Прежде чем к нему вернулось осознание ужаса, раздался громкий звон: ваза разлетелась на куски, а избежавший смерти Белый пирожок получил пробитую голову и окончательно лишился чувств.

Ань Чанцин отряхнул ладони, а потом, всё еще не утолив гнева, отвесил ему пинок и с чувством глубокого удовлетворения произнес:

— Смеешь приставать ко мне? Узнаешь теперь, каково это!

Сяо Чжигэ посмотрел на его воинственный вид, и туча ярости, теснившаяся в груди, мгновенно рассеялась, уступив место чему-то невероятно мягкому и щемящему. Ань Чанцин мельком глянул на него, чуть приподнял подбородок и бросил ошалевшим слугам:

— Что застыли? Уберите его отсюда, не мозольте глаза!

Слуги, будто очнувшись от кошмара, подхватили бессознательного Белого пирожка и со всех ног бросились прочь.

Остались лишь ни живые ни мертвые управляющий и лавочники.

Ань Чанцин обошел их по кругу и с усмешкой проговорил:

— А с вами двоими я расплачусь позже. Ань Фу, отведи их в поместье князя и запри.

Ань Фу с торжествующим видом отозвался, отвесил работнику пинок и грубо крикнул:

— Встали! Марш за мной!

Управляющий и прислуга не посмели возразить. Нахохлившись, словно перепела, они поднялись и поплелись за ним, точно спасаясь бегством.

Когда Ань Фу увел пленников, единственным оставшимся в лавке был Чжоу Хэлань. Переведя взгляд с Ань Чанцина на Сяо Чжигэ, он без колебаний решил сбежать вслед за Ань Фу:

— Пойду подзову экипаж!

В мастерской остались только Сяо Чжигэ и Ань Чанцин.

Ань Чанцин с прищуром посмотрел на него:

— Князь знает эту лавку?

Сяо Чжигэ ответил:

— Знаю. Она моя.

— А я-то думал, вы и понятия не имеете, — недовольно пробурчал Ань Чанцин. — Управляющий с работниками здесь один другого стоят. Цены на наряды взвинтили до небес, ненасправно дворецкий Ван говорил, что дела лавки идут все хуже и хуже. Если так пойдет и дальше, мы не то что прибыли не увидим, а еще и свои приплачивать будем! К тому же этот управляющий выглядит сплошным прохвостом — наверняка проворачивает какие-то темные делишки.

— Ей заправляет Ван Фугуй, — почувствовав от его упреков нечто вроде вины нашкодившего школяра, Сяо Чжигэ тут же спихнул ответственность на главного виновника, дворецкого Вана. — У меня не было времени присматривать за этим.

— Вот вернусь, разберусь со счетами и тогда с ними посчитаюсь, — в сердцах произнес Ань Чанцин. При таком беспечном подходе Сяо Чжигэ эта лавка явно была не единственной с изъяном. Управляющие ведь держат нос по ветру: если хозяин строг, они работают со всей отдачей и не смеют халатно относиться к обязанностям, а если хозяин сквозь пальцы смотрит — начнется сплошное жульничество и разворовывание.

Мастерская «Тяньи» наверняка не сразу стала такой. Со временем управляющий увидел, что хозяину нет до нее дела, вот и заимел нечистые мысли.

— Как скажешь, всё сделаем по-твоему.

Ань Чанцин только после этого остался удовлетворен. Вспомнив, что утром князь уезжал в военный лагерь за городом, он наконец с любопытством спросил:

— А как князь здесь оказался?

— Пил вино с сослуживцами, — ответил Сяо Чжигэ.

Наконец услышав, что князь упомянул их, Хэ Лаосань и его соратники, до этого молча наблюдавшие за происходящим снаружи, тут же высунули головы:

— Князь с нами пьет вино вот в том трактире!

Смоляно-черное лицо Хэ Лаосаня расплылось в улыбке, словно распутившийся вьюнок:

— Если у ванфэй есть время, присоединяйтесь к нам! Лаосань угощает!

Окружающие, услышав его слова, мысленно помянули его добрым словом и дружно посмотрели на Сяо Чжигэ.

И действительно, едва успевшее смягчиться лицо Сяо Чжигэ снова сделалось мрачнее тучи. Он сурово отрезал:

— Ванфэй не пьет.

Хэ Лаосань, совершенно не чуя опасности, продолжал трещать без умолку:

— Если не пьет, так хоть поест с нами! Мы ведь еще ни разу не разговаривали с ванфэй... М-м-м!

Сослуживцы вовремя зажали ему рот и, подхватив Хэ Лаосаня под руки, виновато улыбнулись:

— Мы еще не расплатились в трактире, так что вернемся и закроем счет! Князь, ванфэй, душевного вам разговора!

С этими словами они, точно вихрь, подхватили Хэ Лаосаня и дали дёру.

Вернувшись в трактир, недовольный Хэ Лаосань уставился волами-глазами размером с медные колокольчики на товарищей, закрывавших ему рот:

— Вы чего творите?! Я же еще не закончил!

Те лишь закатили глаза. Дай они ему договорить — и про спокойный Новый год в этом году можно было бы забыть! Разозли они князя, тот под любым предлогом загонял бы их до полусмерти.

— А все-таки ванфэй невероятно красив! Неудивительно, что князь предпочёл его любой женщине, привел в дом, да еще и прячет, не давая нам посмотреть... — Хэ Лаосань пощелкал языком с явной завистью. — Будь у меня такая красotka под боком, я бы и с мужчиной не отказался!

Сослуживец прохладно заметил:

— Попридержал бы ты язык. Мало тебе бед от твоей болтливости? Забыл уже, как ванфэй только что грохнул о голову того типа огромную вазу?

Шутка ли! Ваза-то высотой с четырех-пятилетнего ребенка, а он обрушил ее даже бровью не поведя! К тому же с нравом их князя кто бы осмелился дергать тигра за усы в момент ярости? Лишь этот с виду хрупкий и утонченный ванфэй отважился подойти.

Но еще удивительнее было то, что князь и впрямь тут же остыл.

Военачальники поцокали языками, подумав про себя, что даже лютый тигр подчас сгибает шею перед хозяином.

Хэ Лаосань, слушая их разговор, наконец-то хоть что-то сообразил. Пощупав от холода затылок, он пробормотал себе под нос:

— О матушка моя...

И чего это он натворил?

<http://bllate.org/book/18381/1767628>